

Нужный человек в нужное время в нужном месте

Так охарактеризовал Михаила Алексеевича Лаврентьева его ученик, академик В.М. Титов на пресс-конференции, прошедшей в Институте гидродинамики СО РАН 15 ноября 2010 г. и посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося учёного.

Встреча проходила в институте, основателем и первым директором которого (с 1957 по 1976 г.) был Михаил Алексеевич и который сейчас носит его имя. Нынешний директор института д.ф.-м.н. А.А. Васильев предоставил слово ученикам и соратникам М.А. Лаврентьева, которые пришли, чтобы поделить с журналистами своими воспоминаниями о нём.

В кабинете Лаврентьева, куда пригласили представителей прессы, обстановка сохраняется по возможности такой, какой была при жизни Деда, как его называли многие из младших коллег. Мебель минималистского дизайна, характерного для конца 60-х — начала 70-х гг. прошлого века, на широким, приземистом столе — телефон с диском и клавишами громкой связи внизу. В двух стеклянных шкафах — памятные подарки и награды института.

Вполне естественно возник вопрос, почему М.А. Лаврентьев выбрал место для строительства Академгородка именно здесь, под Новосибирском, а не в какой-то другой географической точке воистину необъятной Сибири?

— Иркутск далеко, в Красноярске не было никакой базы, — ответил В.М. Титов. — В Новосибирск во время войны были эвакуированы многие заводы...

— И была строительная индустрия, мощные строительные организации, — подсказал д.ф.-м.н., профессор Л.А. Лукьянчиков.

— Что же касается Томска, он фигурировал в качестве одного из возможных мест с самого начала. Но там сказали: «Нам никого не надо, а если вы нам дадите денег, мы сами всё сделаем». После этого про Томск забыли, и я был потом свидетелем восстановления взаимоотношений с Томском. Лаврентьев считал, что в Томске академическая ячейка нужна, но пока этот болезненный разлад был преодолен (а тогда всё решалось через обкомы партии, а в них заседали не учёные), прошло время. Михаил Алексеевич рассматривал Томск в числе первых, однако ему было сказано: «У нас и так профессоров хватает». А Лаврентьеву нужны были не профессора. Ему нужны были новые, независимые люди, не вросшие в многодесятилетнюю историю, перед которыми можно было бы ставить новые задачи.

Действительно, в Москве, Ленинграде, Киеве и других крупных научных центрах молодому учёному можно было устроиться в тот или иной институт, но тогда пришлось бы проходить долгий путь по ступенькам иерархической лестницы от самого её подножия. А в Академгородке талантливые молодые люди в тридцать лет становились завлабами. «Там нет стариков, там будете только вы», — так говорил М.А. Лаврентьев своим ученикам, приглашая их последовать за ним в город науки, который ещё только намечался.

Иными словами, М.А. Лаврентьев желал реализовать на сибирской земле сценарий вполне апокалиптический: «И видел я землю и небо новые». Это, судя по отзывам рассказчиков, давало ему возможность не тратить время на борьбу с «ветхими» иерархическими структурами, характерными для мест давней концентрации науки и учёных, но способствовать тому, чтобы молодые, незашоренные ученики быстро и без помех развивали свои смелые идеи и воплощали их в практику.

— Мы были молодыми, но Михаил Алексеевич давал нам возможность развиваться в том направлении, к которому каждый был приспособлен. И по сути он обеспечил нам в каком-то смысле беззаботное существование в науке. Мы не думали о жилье, о том, где достать деньги, чтобы купить квартиру. Всё это было организовано иным образом, — заметил д.ф.-м.н., профессор М.Е. Топчий.

Это верно, но ведь в то время мы все жили вообще в другой стране, которой больше нет. А М.А. Лаврентьев хотел, чтобы бытовые проблемы минимально отвлекали учёных от решения проблем более возвышенных.

— Во главу угла своей деятельности Лаврентьев ставил решение практических задач, — сказал Л.А. Лукьянчиков. — Он умел правильно формулировать их и на основе решения практических задач получать весомые фундаментальные результаты.

Академгородок, куда ехали молодые учёные, в 1958 г. ещё только-только начинал

строиться. Л.А. Лукьянчиков весело рассказывал, как он, приехав на постоянное место жительства, вышел из автобуса № 9 (ходил от Новосибирска до Бердска) на станции Сеятель и, спросив дорогу, получил ответ: «А вон видите, подъёмные краны виднеются? Вот туда и идите!» Но, несмотря на бытовую неустроенность, М.А. Лаврентьеву сразу нужны были научные результаты.

— Ему нужно было, чтобы мы начали решать задачи, причём государственной важности. У Михаила Алексеевича был один критерий: он оценивал работу, если она была сделана на мировом уровне. В девяносто процентов случаев он оценивал сам, а если не сам, то собирал специалистов и выслушивал их мнения. Проблемы, которые решались в 1958 году, были такого рода. Я, например, занимался ускорением частиц на высоких скоростях (потом эту работу взял В.М. Титов). Первый экспериментальный стенд в Сибирском отделении заработал 11 ноября 1958 г. (а собрали его мы с П.Я. Фадеевым). Уже была мастерская, была взрывная камера, техника, и начались эксперименты. А в это время решалась ещё одна проблема: движение под водой с высокими скоростями. И вот Михаил Алексеевич даёт задание: создать стенд, на котором можно изучать это движение. А это огромная установка. Удивительно, но с помощью, что называется, палки и верёвки, с помощью сварки было создано, как мы говорили, колесо, кольцевой лоток Войцеховского, где пять тонн воды крутились со скоростью примерно 70 м/сек. Причём сделано это было очень грубо, там была оригинальная система центровки, и это колесо крутилось, а на горе стоял домик М.А. Лаврентьева. Мы думали: ведь если колесо сорвётся, оно же домик снесёт! Внизу мы работаем, взрываем, колесо крутится — наверху домик Михаила Алексеевича. И, по-моему, всё это ему только удовольствие доставляло.

По словам д.ф.-м.н., профессора В.К. Кедринского, когда М.А. Лаврентьев рассказывал о каком-то явлении, которое было неизвестно и, по мнению Михаила Алексеевича, заслуживало изучения, он почти всегда выдвигал свою идею, говорил о том, как, с его точки зрения, можно объяснить это явление. Тем самым, тот, кто хотел начать решать поставленную задачу, получал направление, в котором можно было двигаться, и мог проверить, прав ли Дед.

В конце он всегда улыбался и спрашивал: «Ну что, интересно?» В ответ все кивали, но каждый думал, что с задачей, возможно, придётся справиться именно ему:

— Где-то конце 60-х гг. М.А. Лаврентьев сформулировал несколько задач, которые, как он считал, следовало решать, — рассказывает В.К. Кедринский. — Одна из них была связана с известным эффектом подводных взрывов, когда снаряд падает в воду и поднимается вертикальный столб. Как учёному секретарю продиктовал мне условия задачи, и надо было повесить на доске объявление, что предлагается кому-то такую задачу решить. Прошло некоторое время. Михаил Алексеевич, подписывая какие-то бумаги спросил, отозвался ли кто-то на объявление. Я сказал «нет», а когда через час пришёл к нему с чем-то, он спрашивает: «Да, а как у тебя дела с этой задачей?» Последовала немая сцена, почти по Гоголю.

Но, когда становилось ясно, в каком направлении надо было двигаться, Михаил Алексеевич всегда следил за ходом работы. И если в результате исследования оказывалось, что он неправ, несколько не огорчался, что всё идёт иначе, и всегда заинтересованно принимал участие в обсуждении.

Д.т.н., профессор В.И. Истомин вспоминал жизнь в институте на заре становления Академгородка как казацкую вольницу:

— Но это была вольница в выборе тематики, которая определяла свободу творчества, сохранившуюся и до сих пор. Работать можно было тогда, когда тебе удобно — дисциплина состояла в своевременном предоставлении результатов, а приходиться в институт можно было в любое время. Михаил Алексеевич умел отделить главное от второстепенного и не утомлял подчинённых мелочной опекой и придирками. Для него главное было всегда — чтобы дело делалось.

Но, помимо деловых качеств, М.А. Лаврентьев отличался вполне определённой гражданской позицией и человеческой порядочностью. В.М. Титов вспоминал:

— Как известно, когда М.А. Лаврентьева хоронили, всё городское и областное начальство было представлено заведующим отделом науки. А ведь кого хоронили? Выдающегося учёного, великого гражданина, о котором сам генерал Де-Голль сказал, что он подобен Петру Первому, только Пётр прорубил окно на Запад, а Михаил Лаврентьев — на Восток. Но Лаврентьев тогда был в опале, потому что за 9 лет до этого, когда он был ещё Председателем Сибирского отделения,

и когда в 1971 г. умер Н.С. Хрущёв, никто не прислал его семье телеграммы соболезнования, никто из всей верхушки страны, кого он двигал на обкомовские и прочие места, Михаил Алексеевич, находясь уже под прессингом, — он понимал, что его скоро «съедят» — не мог не выразить соболезнования семье Хрущёва. Да, он, что называется, подписал себе приговор. Но он остался верен себе.

Мария Горынцева, «НВС»
Фото Р. Ахмерова